

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

С.В. Савинков¹

*Воронежский государственный педагогический университет
Воронежский государственный университет*

АРАБЕСКИ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕМИОЗИСА В ЭПОХУ 1890-х: СЛУЧАЙ А.А. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

В настоящей статье рассматривается взаимодействие разнородных идейно-стилевых планов в творчестве А.А. Голенищева-Кутузова.

А.А. Голенищев-Кутузов выделяется среди представителей предсимволистской эпохи наличием в его творчестве отчетливо выраженного вагнерианского плана, который, однако, оказывается во взаимодействии с другими и прежде всего – с пушкинским. В результате такой конstellации складывается семиотическая коллизия, условно говоря, несовместимости вагнерианских значений с пушкинскими. Предпринятой А.А. Голенищевым-Кутузовым попытке соединить Вагнера с Пушкиным оказывает сопротивление «классический» литературный материал, не желающий подчиняться иным эстетическим законам.

Ключевые слова: предсимволизм, вагнеровский план, пушкинский план, литературный семиозис

¹ Сергей Владимирович Савинков – доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета и кафедры истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета (г. Воронеж)

S.V. Savinkov
Voronezh State Pedagogical University
Voronezh State University

**ARABESQUES OF LITERARY SEMIOSIS IN THE EPOCH OF
THE 1890s: A CASE OF A. A.GOLENISHCHEV-KUTUZOV**

This article deals with the interaction of heterogeneous ideological and style plans in the works of A.A. Golenishchev-Kutuzov.

A.A. Golenishchev-Kutuzov stands out among the representatives of the pre-imperialist era because his works contain a distinctly expressed Wagnerian plan, which, however, appears in interaction with others and, above all, with Pushkin. Relatively speaking, a semiotic collision of incompatibility of the Wagnerian values with Pushkin's ones is formed as a result of this constellation. The attempt to connect Wagner with Pushkin undertaken by A.A. Golenishchev-Kutuzov is resisted by the "classic" literary material that does not want to obey other aesthetic laws.

Keywords: pre-symbolism, Wagnerian plan, Pushkin plan, literary semiosis

«Даль зовет» в творчестве А.А. Голенищева-Кутузова относится к разряду поэтических формул. Именно так обозначена и первая часть им задуманной, но так до конца и не осуществленной романной трилогии (вторая часть должна была называться «Жизнь зовет», а третья – «Бог зовет»). И в поэзии, и важном тематическом плане романа *зовущая даль* обретает у А.А. Голенищева-Кутузова по преимуществу ночное измерение, которое, имея отчетливо выраженный вагнеровский элемент, придает его творчеству то своеобразие, которое обеспечивает ему особое положение в пространстве литературной жизни 1880 – 1890-х гг.

В интерпретации Вагнера любовь Тристана и Изольды возможна только под покровом Ночи. День же становится ее коварным и злобным врагом прежде всего потому, что он всячески препятствует осуществлению их страстного желания безостаточного слияния друг с другом «без названий, нераздельно в новых мыслях, в новых чувствах» [Вагнер, электронный ресурс, <http://www.wagner.su/node/315>]. Согласно вагнеровскому либретто, коварство дня заключается в том, он, посылая снопы роскошных лучей и ослепляя своим мерцающим

светом и беглыми огнями, прельщает поддающихся ему тщеславными помыслами о славе, силе и власти и вводит их в заблуждение, что может быть что-то ценно еще, кроме любви. К тому же при свете дня становятся наиболее осязаемыми оковы пространства и времени, не допускающие мысли о бесконечном и вечном бытии. Поэтому вагнеровские Тристан и Изольда и одержимы верой в благодать вечной, истинной, соединяющей Ночи, способной открыть дверь дивной смерти.

Как можно увидеть, семантический рисунок либретто Вагнера и семантический рисунок «ночной поэзии» А. Голенищева-Кутузова легко накладываются друг на друга.

И в том, и в другом случае ночь оказывается в сопряжении с тайной, властью, красотой, мечтой, смертью – со всем тем, чем не обладает антипод ночи – день. Зовущая и манящая ночь обретает у Голенищева-Кутузова антропоморфные черты и предстает то в образе оболстительной волшебницы с зарницами-взорами, то властной царицы. Избавляя от дневных забот, ночь пробуждает грезы о чудной дали¹. Своим чарующим голосом она зовет к нездешней любви и к нездешним наслаждениям. И тот, кому дано услышать этот чудный голос, идет к нему навстречу, ничего не страшась, даже – того, что обещающий бессмертную любовь голос ночи – это голос самой смерти². Так же, как и Вагнера, в поэзии Голенищева-Кутузова день обманчив: он озаряет Божий мир ложным блеском и призрачным счастьем³. Поэтому лирическое «я» Голенищева-Кутузова нередко обращается с покаянием к царице-ночи и просит у нее защиты от «бурь и дольной суеты»⁴.

Ночь способна у него вызвать и чувство страха, но, по всей видимости, не такого, как, к примеру, у лирического субъекта Тютчева: не бездна с ее «страхами и мглами» страшит героя

¹Ср. эту тему в стихотворении «День отошел. Беззвучной ночи тьма».

²Ср. мотивы в стихотворении «Летняя ночь».

³См.: стихотворение А.А. Голенищева-Кутузова «Весенняя дума».

⁴См. стихотворение А.А. Голенищева-Кутузова «К тебе, царица ночь, в чертог твой голубой».

Голенищева-Кутузова, а проникающая в самые заповедные уголки его души ее зрячая темнота. Впрочем, сближает стихотворения Голенищева-Кутузова («День кончен; ночь идет; страшусь я этой ночи!») и Тютчева («День и ночь») общий для них мотив незащитности: тютчевский герой незащищен перед ночью без дневного златотканого покрывала, а голенищевско-кутузовский – без преграждающих путь всепроникающему взгляду ночи снах и грезах. Однако, пожалуй, более существенное различие между Голенищевым-Кутузовым и Тютчевым заключается в присущей поэзии Голенищева-Кутузова своеобразной эпичности и драматургичности: в ней наблюдаются и присущие нарративу актантизм и – если провести нестрогую аналогию – предполагающие драматическую напряженность «звательные падежи»: герой взывает к ночи, а ночь зовет героя Голенищева в свои заповедные дали.

Расхождения в трактовке ночной темы у Голенищева-Кутузова и Вагнера тоже есть. Наиболее заметными они становятся как раз тогда, когда в текстах Голенищева-Кутузова обнаруживается нарративное начало. В сюжетных текстах отчетливее и драматичнее проявляется то, что в лирике звучит несколько приглушенно – ситуация выбора между *ночью* и *днем*: между вечным и временным, между мгновенным обладанием и бессмысленно длящейся жизненной рутинной, между далью и привязанностью к месту.

Даль не предполагает привязанности, которая может быть спровоцирована близостью. Невозможность такого союза – архетипическая коллизия. В романтической интерпретации она зачастую выражалась противопоставлением любви и славы и предполагала необходимость бескомпромиссного выбора пути: либо – к славе (который осмысливался как воинский), либо – к любви. Варианты такого выбора могли быть разными, но, как правило, того, кто, подобно толстовскому князю Андрею, становился на путь славы, ожидало поражение. Однако среди этих вариантов не было такого, который предполагал бы совмещение того и другого пути. А у Голенищева-Кутузова он активно репрезентируется в самых разных текстах, к примеру, в незавершенной поэме с говорящим заглавием «Яромир и Предслава».

Стоящему на распутье Яромиру, герою этой поэмы (в одну сторону его зовет слава, в другую – любовь к Предславе) предлагается способ разрешить эту дилемму. К такому развитию событий Яромира склоняет Ночь: она предлагает герою совершить выбор в пользу дали, но при этом утолить и свою любовную страсть – сделать так, чтобы уже ничто не препятствовало выбору «величия» и «славы». И предлагает она это сделать довольно коварным образом:

Душа твоя полна тоскою и желаньем,
 Что ж медлишь? Насладись мгновенным обладаньем,
 Упейся девственной доверчивой красой!
 Потом... потом беги! Навек покинь Предславу...
 Судьба тебе сулит величие и славу –
 Забвением любви ты к счастью путь открой!
 [Голенищев-Кутузов, т. 3, с. 268-269]

Поддастся ли Любомир ночному соблазну, остается только гадать: произведение осталось не законченным. Однако если выбор им все же будет сделан в пользу славы, то он с неизбежностью подвергнет гибельной опасности Предславу, которая может и не преодолеть ситуацию близости без привязанности¹.

Особый интерес в этой связи представляет поэма, заглавие которой «Рассвет» как будто указывает на то, что выбор будет сделан в пользу дня – света, солнца и жизни. Но на самом деле для героя поэмы рассветом как предвестником настоящей жизни становится ночь. Все – в соответствии с идеологией и эстетикой декаданса происходит «наоборот» по отношению к традиции: «старые» ценности дискредитируются и замещаются их противоположностями. Нечто подобное наблюдается и на тематическом и на нарративном уровне значения.

Персонажи поэмы и их отношения между собой таковы, что за ними явно прослеживается онегинская канва. Сами героини *он* и *она* идентифицируют себя с героями пушкинского романа. Она как

¹ Ситуация *близости без привязанности* особое смысловое преломление приобретает в «первой любви» как особом тексте русской литературы. Об этом см.: [Фаустов, Савинков, 2013, с. 120-147].



Татьяна, слишком юна, он как Онегин, слишком беспечен. Они уже любят друг друга, но еще не знают об этом. Однажды она говорит ему, что если бы собралась замуж за другого, то обязательно пригласила бы Онегина (а надо понимать пригласила бы *его*) на свадьбу. Так и происходит. Он, уже долго скитающийся в чужих краях, получает такое приглашение и откликается на него. Как только они встречаются, они сразу же осознают, что любят (и всегда любили) друг друга, и решают во что бы то ни стало не упустить своего близкого счастья. Помехой на пути оказывается ничего не подозревающий и уповающий на свое счастье жених «Татьяны». Во имя общего счастья с Онегиным Татьяна отказывает своему жениху накануне свадьбы. Жених, как и оскорбленный Ленский, вызывает Онегина на дуэль. В отличие от настоящего Онегина герой Голенищева-Кутузова, осознавая всю степень несчастья бедного жениха и свою вину перед ним, стреляет в землю. Соперник же его производит выстрел, и «Онегин» получает тяжелое ранение. Это ранение погружает его в состояние ночного бреда. Герой пытается вести борьбу с мечтами и призраками, но все его старания оказываются напрасными. Выбившись из сил, он уносится в полный безумья мир, где все («свет и темнота», «правда и обман») сливаются в безбрежный океан, где забытые события прошлого являются ему как «новые виденья», где «в переменчивой игре воображенья» нет ни прошедшего, ни будущего.

Однако после такой схватки с привидениями он вдруг начинает испытывать ощущение несказанной легкости и понимает, что это ощущение вызвано близостью смерти, которую он встречает не со страхом и печалью, а с улыбкой. Великая отрада и спокойствие, которые он уловил во взгляде смерти, позволили ему посмотреть на свою жизнь (с ее радостями и страданиями, с ее пестрым роем событий) как на туманную даль, к которой его ничто уже не манило. Это его новое состояние становится решающим аргументом при решении вопроса о выборе между Татьяной (готовой на все во имя жизни и счастья) и Смертью. И Онегин, отказывая Татьяне (а значит и жизни) делает свой выбор в сторону не дня и жизни, а ночи и смерти.

В сюжетно-тематическом абрисе финала поэмы «Рассвет» угадывается и аллюзия на ту сцену из романа «Война и мир», где князь Андрей в мучительной борьбе с собой совершает выбор между небом

и Наташей, между влекущей к смерти божеской любовью и привязанностью к жизни. Выбор героя Толстого и выбор героя Голенищева-Кутузова пребывают в отношениях синонимии: и тот и другой жертвуют возможностью земного счастья (сопряженного с обманом и изменой) открывшейся им возможности абсолютной не привязанности ко всему тому, что может хоть каким-то образом затемнить и исказить испытанное ими ощущение близости к Абсолюту. Другое дело, что в этом случае не столь очевидно синонимичными оказываются авторские предпочтения.

В то же время финал поэмы Голенищева-Кутузова явно не соответствует финалу вагнеровского либретто, где Тристан и Изольда все-таки соединяются друг с другом в святой ночи-смерти. Голенищево-Кутузовские «Онегин» и «Татьяна» по каким-то причинам не смогли стать Тристаном и Изольдой. В отличие от вагнеровских влюбленных всецело принадлежащих ночи, герои Голенищева-Кутузова оказались по разные стороны. Один стал принадлежать *ночи*, другая осталась верной *дню*. Установить союз между Днем и Ночью оказалось для А.А. Голенищева-Кутузова так же невозможно, как соединить Вагнера с Пушкиным.

С историко-литературной точки зрения стратегия и тактика голенищево-кутузовского письма напоминает – если перефразировать Пушкина – не вплетение новых тематических узоров в старую нарративную канву, а ее своеобразное переплетение. Однако попытка вытеснения Пушкина (а одновременно и Толстого) Вагнером у Голенищева-Кутузова терпит фиаско из-за сопротивления «классического» материала, не желающего подчиняться иным идейным и эстетическим законам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вагнер, Рихард. Тристан и Изольда. Перевод В. Коломийцева [Электронный ресурс] / Р. Вагнер // Рихард Вагнер. – URL: <http://www.http://wagner.su/node/315> (15.01.2018).

Голенищев-Кутузов, А. А. Сочинения: в 4 т. / А.А. Голенищев-Кутузов. – Санкт-Петербург, 1914. – Т. 1. – 344 с.

Голенищев-Кутузов, А. А. Сочинения: в 2 т. / А.А. Голенищев-Кутузов. – Санкт-Петербург, 1894. – Т. 2. – 207 с.

Голенищев-Кутузов, А. А. Сочинения: в 4 т. / А.А. Голенищев-Кутузов. – Санкт-Петербург, 1894. – Т. 3. – 275 с.

Фаустов А.А., Савинков С.В. Игры воображения. Историческая семантика характера в русской литературе / А.А. Фаустов, С.В. Савинков. – Воронеж, 2013. – 337 с.

REFERENCES:

Faustov, A.A., Savinkov, S.V. Iгры voobrazheniya. Istoricheskaya semantika haraktera v russkoj literature / A.A. Faustov, S.V. Savinkov. – Voronezh, 2013. – 337 s.

Golenishhev-Kutuzov, A. A. Sochineniya: v 4 t. / A. A. Golenishhev-Kutuzov. – Sankt-Peterburg, 1914. – Т. 1. – 344 s.

Golenishhev-Kutuzov, A. A. Sochineniya: v 4 t. / A. A. Golenishhev-Kutuzov. – Sankt-Peterburg, 1894. – Т. 2. – 207 s.

Vagner, Rihard. Tristan i Izol'da. Perevod V. Kolomijceva [Электронный ресурс] / R. Vagner // Rihard Vagner. – URL: <http://www.http://wagner.su/node/315> (15.01.2018).